Минервин на гумне послышался мне глас;
Церера на грядах крапиву во щи полет,
Юпитер на дворе дрова из платы колет. . .
Юнона на реке колотит холст вальком,
Нептун из пролуби выходит гогольком,
В ямщичьей шапке Марс на одноколке рыщет,
Буянит он, кричит и по бурлацки свищет».
(Стихи на качели.)

Стихотворца, перерядившего богов в костюмы русских крестьян, изображал Чулков и в «Стихах на качели». Именно это место и дало повод к поискам связи между стихами Чулкова и поэмой «Елисей». Трудно допустить, что здесь отсутствует перекличка с Майковым. Слишком похожими выглядят боги и смертные в этих произведениях. Укажем еще на некоторые совпадения:

«Я в Питере живу без собственна подворья,
А в Питер перешел я жить из Зимогорья. . .
А наши пажити, как всем сие известно,
Сошлись с валдайскими задами очень тесно»,—

пишет Майков во 2-й песне. Эти места — Валдай и Зимогорье в XVIII в. имели определенное значение и служили синонимами очагов разврата и проституции. Своего стихотворца Чулков обвиняет именно в том, что

«Валдайских девушек он в нимфы превращает,
Из Зимнегорских баб Помону выбирает».
(Пл. п. стих., 2.)

У Майкова же действует Церера — богиня земледелия, которая жила «изряднехонько» и «трудилась на гумне с сосновым молотилом».

Совпадают и детали:

«И словом, чтоб мои богини и божки
Изнадорвали всех читателей кишки»
(Елисей, I)
«С Олимпа слышен глас, как будто грянул гром,
То сделался тогда между богов содом,
Увидевши сие все вдруг захохотали;
Животики они, там стоя, надрывали. . .»
(Пл. п. стих.)

«Ирои-комический» момент не является в поэмах Чулкова организующим: он проходит, уступая место различным бытовым картинкам, полемическим выпадам, пародийным намекам и т. д. Чулков писал их для журнала — он хотел прежде всего «повеселить куму»